

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
«О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С.Л. Мельник

Судебно-экспертная деятельность является неотъемлемым элементом современного правосудия, обеспечивающим внедрение специальных знаний в процесс доказывания. Эффективность и достоверность экспертных исследований напрямую зависят от четкости и полноты их правового регулирования. Российская Федерация и Республика Беларусь, обладающие общностью исторического развития правовых институтов, демонстрируют как схожие, так и различные подходы к построению законодательной основы судебной экспертизы.

Объектом настоящего исследования выступают Федеральный закон Российской Федерации № 73-ФЗ и Закон Республики Беларусь № 281-З. Предметом — сходства и различия в закрепленных ими концептуальных подходах, принципах, организационных моделях и процедурных нормах. Цель статьи — провести детальный сравнительно-правовой анализ указанных нормативных актов для выявления общих тенденций и национальных особенностей правового регулирования судебно-экспертной деятельности. Задачи включают: сравнение предмета регулирования и принципов; анализ моделей организации экспертной службы и статуса эксперта; исследование процедур производства экспертиз; оценку механизмов контроля качества и обеспечения деятельности.

Методологическую основу составили методы сравнительно-правового, формально-юридического и системного анализа.

Предмет регулирования, цели и принципы: концептуальные основы указанных нормативных актов.

Оба закона закрепляют общий предмет регулирования — общественные отношения, возникающие в связи с организацией и производством судебных экспертиз в рамках судопроизводства. Однако уже на этом уровне видны терминологические и концептуальные различия.

ФЗ Российской Федерации в названии и тексте акцентирует внимание на «государственной» судебно-экспертной деятельности (ст. 1). Его центральным предметом является деятельность именно государственных судебно-экспертных учреждений (ГСЭУ) и государственных судебных экспертов. Регулирование негосударственной экспертной деятельности вынесено в краткую ст. 41, отсылающую к процессуальному законодательству.

Таким образом, ФЗ Российской Федерации *de facto* является законом о государственной экспертной службе.

Закон Республики Беларусь использует более широкое понятие — «судебно-экспертная деятельность» (ст. 2), которое включает не только проведение экспертиз, но и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций. Закон изначально ориентирован на регулирование деятельности как государственных, так и негосударственных субъектов (лицензиатов), что отражено в структуре и содержании норм. В Российской Федерации существует ведомственный нормативный правовой акт, который регламентирует ведение учетов органами внутренних дел, а именно — приказ МВД Российской Федерации от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации».

Задачи и принципы экспертной деятельности в целом совпадают, отражая универсальные требования к правосудию: содействие органам судопроизводства, законность, независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований (ст. 2, 4, 5, 7, 8 ФЗ Российской Федерации; ст. 4, 5, 6, 8, 9 Закона Республики Беларусь). Однако Закон Республики Беларусь дополнительно включает принцип «допустимости и достоверности методов» (ст. 5), прямо связывая его с необходимостью применения методических материалов, одобренных Межведомственным научно-методическим советом (ст. 9). Этот принцип представляет собой качественно новую и детализированную гарантию научной обоснованности и, как следствие, доказательственной ценности судебной экспертизы. Данный принцип не существует изолированно, а получает конкретное нормативное наполнение и механизмы реализации в других статьях закона, формируя целостную систему обеспечения качества экспертного исследования. Статья 9 Закона Республики Беларусь раскрывает содержание этого принципа через следующие ключевые положения:

– обязанность эксперта применять допустимые и достоверные методы. Часть 1 ст. 9 прямо предписывает судебному эксперту проводить экспертизу «с применением допустимых и достоверных методов», что трансформирует общее требование научной обоснованности из этической категории в прямую правовую обязанность;

– приоритет одобренных методических материалов. Часть 2 ст. 9 устанавливает императивное правило: при проведении экспертиз должны использоваться методические материалы, которые одобрены и рекомендованы Межведомственным научно-методическим советом (МНМС) при Государственном комитете судебных экспертиз; включены в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности.

В ФЗ Российской Федерации требование использовать современные достижения науки и техники (ст. 4) и проверяемость выводов (ст. 8) сформулировано более общим образом. Закон Республики Беларусь также

выделяет принцип «соблюдения интересов государства» наряду с правами личности (ст. 5, 7), что может рассматриваться как отражение специфики правовой системы.

В условиях интеграционных процессов в рамках Союзного государства особый интерес представляют нормы, регламентирующие международное сотрудничество. Статья 42 ФЗ Российской Федерации и статья 51 Закона Республики Беларусь содержат схожие положения о возможности проведения экспертиз для иностранных органов правосудия. Однако унификация экспертных методик и стандартов, к которой стремится белорусское законодательство через институт Межведомственного научно-методического совета, создает более благоприятную почву для взаимного признания результатов экспертиз. Отсутствие единого методического регулятора в Российской Федерации осложняет процесс гармонизации экспертной практики на межгосударственном уровне.

Организационные модели и субъекты судебно-экспертной деятельности. Наиболее существенные различия заключаются в подходах к организации системы экспертных учреждений и определению статуса эксперта. В частности, ФЗ Российской Федерации № 73 детально регулирует статус государственных судебно-экспертных учреждений (ГСЭУ). Под таковыми понимаются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ст. 11). Закон устанавливает их обязанность производить экспертизы для органов, расположенных на закрепленной территории, принцип единого научно-методического подхода и т.д. Экспертные подразделения силовых ведомств (МВД, СК) приравниваются к ГСЭУ. Создается классическая ведомственная модель.

Закон Республики Беларусь вводит родовое понятие «судебно-экспертная организация», которое делится на: государственные (органы Госкомитета судебных экспертиз, органы госбезопасности, таможни и др.) и негосударственные, действующие на основе лицензии (ст. 14). При этом ключевую координирующую и регуляторную роль играет Государственный комитет судебных экспертиз (ст. 10, 12). Это свидетельствует о более централизованной и унифицированной модели с четким выделением головного органа. Ведомственные экспертные службы других госорганов включены в единое правовое поле наряду с ГКСЭ. С нашей точки зрения, это более правильный подход, объединяющий всех экспертов в единую правовую систему. В Российской Федерации даже государственные экспертные службы имеют разное ведомственное правовое и финансовое сопровождение их деятельности.

Статус и требование к судебному эксперту также имеют свои особенности. Так, ФЗ № 73 Российской Федерации оперирует понятием «государственный судебный эксперт» — аттестованный работник ГСЭУ (ст. 12). К нему предъявляются следующие требования: наличие гражданства

Российской Федерации, высшего образования, дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности (для экспертов МВД допускается среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы) (ст. 13). Аттестация и периодический пересмотр квалификации (раз в 5 лет) проводятся экспертно-квалификационными комиссиями соответствующих ведомств. Статус негосударственного эксперта данным законом не регламентируется. Требования к квалификации негосударственного эксперта законодательством Российской Федерации не урегулированы.

Закон Республики Беларусь дает широкое определение понятия «судебный эксперт», охватывающее: работников государственных судебно-экспертных организаций, имеющих свидетельство о праве самостоятельного проведения экспертиз; работников негосударственных организаций и индивидуальных предпринимателей, имеющих свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта (ст. 16). Таким образом, закон проводит формальное различие между двумя типами статуса в зависимости от принадлежности к государственной или негосударственной сфере, хотя требования к образованию и опыту для получения квалификации являются общими (высшее образование по определенной специальности, стаж работы, освоение дополнительной образовательной программы, сдача квалификационного экзамена) (ст. 21). Единый орган — Комиссия по вопросам лицензирования при ГКСЭ — принимает решения о присвоении квалификации для негосударственных экспертов. Для государственных экспертов аттестацию на право самостоятельного проведения экспертиз проводят ведомственные ЭКК, но они могут обращаться в ЭКК ГКСЭ (ст. 19, 20). Закон Республики Беларусь также устанавливает обязательное повышение квалификации для негосударственных экспертов каждые 3 года (ст. 26) и детальный порядок прекращения действия свидетельства (ст. 28).

Таким образом, Закон № 281 Республики Беларусь построен на дуалистической модели с единым центром регулирования (ГКСЭ), четко прописывающей статус как государственных, так и лицензируемых негосударственных экспертных институтов. ФЗ Российской Федерации фокусируется на ведомственной государственной модели, оставляя негосударственный сектор на периферии прямого законодательного регулирования.

Следует отметить, что сложившийся в Российской Федерации правовой вакуум в части регламентации негосударственной экспертной деятельности неоднократно становился предметом научных дискуссий и законодательных инициатив. В частности, профессиональным сообществом и законодателем обсуждается проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данный законопроект предполагает переход от институциональной модели к функциональной, во многом схожей с белорусским подходом: введение единого реестра экспертов, унификация квалификационных требований и механизмов валидации методических материалов независимо от ведомственной принадлежности эксперта.

Однако на текущий момент дуализм правового регулирования сохраняется, создавая неравные условия для субъектов экспертной деятельности и риски оспаривания допустимости заключений частных экспертов исключительно по формальным основаниям.

Процедура организации и производства судебной экспертизы. Существенным аспектом сравнительного анализа является и экономическая составляющая экспертной деятельности. Закон Республики Беларусь (ст. 11, 29) более гибко подходит к вопросу оказания платных услуг государственными судебно-экспертными организациями, в том числе по заявлениям граждан и юридических лиц на досудебной стадии (на договорной основе). В Российской Федерации деятельность ГСЭУ жестко ориентирована на выполнение государственных заданий в рамках судопроизводства, а возможности проведения исследований для частных заказчиков ограничены бюджетным законодательством и приоритетом судебных поручений. Белорусская модель, таким образом, обеспечивает более широкий доступ граждан к реализации права на защиту своих интересов посредством использования специальных знаний вне рамок возбужденного дела.

В процессуальных аспектах законы во многом схожи, что объясняется общностью процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, особенно в части, регламентирующей назначения и производства судебных экспертиз. Регламентируется основание производства (постановление/определение), права и обязанности руководителя организации и эксперта, порядок проведения комиссионных, комплексных, дополнительных и повторных экспертиз, содержание заключения. Но есть и различия.

Особого внимания заслуживает сравнительный анализ регламентации комиссионных и комплексных экспертиз, поскольку именно эти виды исследований вызывают наибольшее количество процессуальных сложностей на практике. ФЗ № 73 Российской Федерации (ст. 21, 22) и Закон Республики Беларусь (ст. 35) закрепляют схожие дефиниции. Комиссионная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. При этом российский законодатель делает акцент на том, что комиссионный характер определяется органом, назначившим экспертизу, либо руководителем ГСЭУ. В белорусском законодательстве формулировка более императивна: комиссионный характер может быть также обусловлен сложностью исследования, что дает руководителю судебно-экспертной организации больше дискреционных полномочий по формированию комиссии для обеспечения полноты исследования.

Существенные нюансы прослеживаются в регулировании комплексных экспертиз (исследований, проводимых экспертами разных специальностей). Статья 23 ФЗ № 73 Российской Федерации устанавливает, что каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет ответственность только за нее. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов.

Закон Республики Беларусь не содержит столь жесткого требования о разделении подписей под исследовательскими частями, акцентируя внимание на синтезирующей роли экспертов. Более того, белорусское законодательство вводит понятие «ведущий эксперт» (организатор), который координирует деятельность комиссии, но не пользуется преимуществами при решении вопросов по существу. В российском законе статус «эксперта-организатора» прямо не закреплен, хотя на практике эта функция реализуется руководителем комиссии.

Интересным представляется и подход к разрешению разногласий. В обеих правовых системах эксперт, не согласный с мнением коллег, вправе дать отдельное заключение. Однако Закон Республики Беларусь содержит уточнение, касающееся ситуаций, когда разногласия возникают на этапе выбора методов исследования, что позволяет купировать конфликт методик еще до начала активной фазы экспертизы, обеспечивая тем самым процессуальную экономию.

Так, во-первых, ФЗ № 73 Российской Федерации не устанавливает общего процессуального срока производства экспертизы в ГСЭУ, указывая лишь на обязанность руководителя контролировать соблюдение сроков с учетом дат, установленных судом (ст. 14). Закон Республики Беларусь устанавливает общий срок 30 календарных дней с момента регистрации постановления и предоставления объектов, с подробным регламентом его исчисления и продления (ст. 33). Во-вторых, ФЗ Российской Федерации обязывает организации предоставлять по запросам ГСЭУ образцы продукции, техническую документацию и др. (ст. 39). Аналогичная норма в Законе Республики Беларусь отсутствует, что может компенсироваться общими нормами об истребовании доказательств в процессе. В-третьих, оба закона допускают присутствие лиц, наделенных таким правом процессуальным законом. Однако ФЗ Российской Федерации специально оговаривает запрет на их присутствие на стадии совещания экспертов и формулирования выводов (ст. 24). В Законе Республики Беларусь аналогичный запрет сформулирован более широко: «При составлении заключения судебного эксперта присутствие участников процесса и иных лиц не допускается» (ст. 34). В-четвертых, Закон Республики Беларусь дает и более широкий перечень, включая, помимо традиционных, «объекты либо предполагаемые объекты интеллектуальной собственности», «системы, технологии, информационные массивы» (ст. 32), что отражает современные реалии.

Особенности регулирования экспертиз в отношении живых лиц (физических лиц). Оба нормативных акта содержат специальные главы, гарантирующие права и законные интересы лиц, в отношении которых проводится экспертиза, особенно при стационарном обследовании. Закрепляются принципы добровольности (принудительности), запрет на болезненные и опасные методы, право на информирование, получение медицинской помощи. К различиям в процессуальном статусе лиц, в отношении которых

проводится экспертиза, можно отнести: сроки стационарного обследования: ФЗ Российской Федерации устанавливает четкие и императивные сроки: до 30 дней, с возможностью продления судьей еще на 30, а в исключительных случаях — повторного продления, но не более 90 дней в общей сложности (ст. 30). Закон Республики Беларусь указывает на помещение в стационар «на срок, необходимый для проведения судебной экспертизы» (ст. 36), не устанавливая максимального порога, что может создавать риски чрезмерно длительного ограничения свободы; регламентация судебно-психиатрических экспертных стационаров: Закон Республики Беларусь отличается исключительной детализацией в регламентации деятельности стационаров (ст. 39–44). Он разделяет стационары на «с общим наблюдением» и «со строгим наблюдением» (для содержащихся под стражей), детально прописывает правила внутреннего распорядка, права и обязанности содержащихся лиц, порядок охраны, применения мер физического стеснения. ФЗ Российской Федерации содержит лишь базовые нормы о типах медицинских организаций и общих гарантиях.

Контроль качества, научно-методическое и ресурсное обеспечение. В данной сфере различия двух изучаемых законов наиболее разительны и демонстрируют разную степень систематизации и централизации деятельности экспертов.

Научно-методическое обеспечение в ФЗ № 73 Российской Федерации ограничивается общей отсылкой к необходимости применения современных достижений науки и единому научно-методическому подходу (ст. 11). Закон Республики Беларусь № 281 создает целостную систему: вводится понятие «методические материалы», формируется Межведомственный научно-методический совет при ГКСЭ, ведется Реестр методических материалов, обязательных для применения (ст. 48, 49). Это устанавливает механизм контроля за научной обоснованностью экспертных методик.

Криминалистические учеты и коллекции в ФЗ № 73 Российской Федерации не регулируются. В Законе Республики Беларусь ему посвящена отдельная глава 6, определяющая правовой режим формирования и использования учетов и коллекций, в том числе порядок обработки персональных данных в них (ст. 45–47).

Закон Республики Беларусь обязывает ГКСЭ вести и публиковать в интернете Реестр судебно-экспертных организаций и индивидуальных предпринимателей и Реестр судебных экспертов с указанием их специализации (ст. 50). Это важный инструмент информационной прозрачности и выбора эксперта. В Российской Федерации подобные реестры ведутся ведомствами (например, Минюстом) разрозненно и не имеют единой законодательной основы.

Закон Республики Беларусь прямо предусматривает лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз (ст. 13), интегрируя это в общую систему регулирования. В Российской Федерации вопрос

о лицензировании экспертной деятельности на федеральном уровне прямо не урегулирован.

Кардинальные различия наблюдаются в механизмах дисциплинарной ответственности и лишения права на профессию. Федеральный закон № 73 Российской Федерации фактически не содержит специального раздела, регулирующего порядок лишения статуса государственного судебного эксперта. Этот вопрос решается в рамках трудового законодательства и ведомственных приказов об аттестации. Если эксперт допускает грубые ошибки, он может быть уволен или не пройти очередную аттестацию (через 5 лет), однако единого реестра лиц, лишенных права производства экспертиз, не существует. Уволенный за некомпетентность государственный эксперт в Российской Федерации может на следующий день зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель или устроиться в ООО и продолжить деятельность как негосударственный эксперт, поскольку закон не запрещает этого.

Закон Республики Беларусь подходит к данному вопросу с позиций жесткого государственного регулирования. Статья 28 Закона содержит исчерпывающий перечень оснований для прекращения действия свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. К ним относятся не только вступление в силу приговора суда, но и:

- установление фактов систематического (два и более раза в течение года) нарушения порядка проведения судебных экспертиз;
- выявление фактов представления недостоверных сведений для получения свидетельства;
- невозможность выполнения профессиональных обязанностей по состоянию здоровья.

Более того, решение о прекращении действия свидетельства принимает Комиссия при ГКСЭ, и данная информация немедленно вносится в публичный Реестр. Это создает институт «дисквалификации», который действует универсально для всей территории страны и для всех форм экспертных организаций. Человек, лишенный свидетельства в Республике Беларусь, юридически лишается права проводить экспертизы, что служит мощным превентивным фактором, стимулирующим соблюдение методик и стандартов. Отсутствие аналогичного механизма «запрета на профессию» в ФЗ Российской Федерации является существенным пробелом, позволяющим недобросовестным участникам рынка экспертных услуг мигрировать между частными организациями, уходя от ответственности за заведомо ложные или некачественные заключения.

Закон Республики Беларусь, будучи новым актом, содержит детальные нормы о порядке своего вступления в силу, приведении в соответствие иных актов законодательства (ст. 54–56), включая масштабные изменения в УПК Республики Беларусь (синхронизация терминов «производство» → «проведение» экспертизы). ФЗ Российской Федерации, неоднократно изменявшийся, таких комплексных переходных норм не содержит.

Следовательно, проведенный сравнительный анализ двух нормативных актов, регламентирующих экспертную деятельность в Российской Федерации и Республике Беларусь, позволяет прийти к следующим выводам.

Оба закона базируются на общих конституционных принципах, международных стандартах и исторически сложившейся модели судебной экспертизы, интегрированной в систему правоохранительных органов. Их ядро составляют схожие принципы независимости, объективности и законности. Нами выявлены различия в предмете и охвате регулирования этими законами. ФЗ Российской Федерации является по своей сути законом о государственной судебно-экспертной службе, оставляющим негосударственный сектор для регулирования процессуальными кодексами. Закон Республики Беларусь является комплексным кодифицирующим актом, охватывающим всю судебно-экспертную деятельность, с детальным регулированием как государственного, так и лицензируемого негосударственного сегмента.

Закон Республики Беларусь выстраивает централизованную модель с четко обозначенным координирующим и регуляторным центром в лице Государственного комитета судебных экспертиз, едиными реестрами и системой научно-методического контроля. ФЗ № 73 Российской Федерации отражает ведомственно-децентрализованную модель, где ключевую роль играют отдельные федеральные органы исполнительной власти. Закон Республики Беларусь, принятый почти на два десятилетия позже, отличается значительно более высокой степенью детализации и систематизации деятельности экспертов. Он регулирует вопросы, которые в Российской Федерации либо решаются подзаконными актами ведомств (аттестация, методическое обеспечение), либо остаются в правовой неопределенности (статус негосударственного эксперта). Закон Республики Беларусь также более адекватно отражает современные реалии (интеллектуальная собственность, информационные системы).

Оба закона стремятся к этому балансу. Детальная регламентация стационаров и сроков в ФЗ Российской Федерации может рассматриваться как более строгая гарантия от произвола. В то же время комплексный процессуальный регламент и система контроля качества в Закон Республики Беларусь направлены на обеспечение достоверности экспертизы, что также является важной гарантией прав. В перспективе развитие российского законодательства в области судебно-экспертной деятельности могло бы учесть опыт белорусских коллег в части кодификации норм о негосударственной экспертизе создания единой системы научно-методического контроля и реестров; усиления роли единого координационного органа (возможно, при федеральном органе юстиции или создание независимого Комитета экспертов). Это способствовало бы повышению прозрачности, качества и общественного доверия к судебно-экспертной деятельности в целом.

Следует отметить, что гармонизация законодательства о судебно-экспертной деятельности в рамках Союзного государства представляется

не только возможной, но и необходимой. Сравнительный анализ показал, что белорусская модель правового регулирования эволюционировала от ведомственной раздробленности к централизованной системе управления качеством (Quality Management System) в масштабах всей страны. Российская Федерация, сохраняя традиционный институциональный подход, стоит перед необходимостью выбора: либо дальнейшее совершенствование ведомственных регламентов, либо кардинальная реформа по созданию надведомственного регулятора. Опыт Республики Беларусь наглядно доказывает эффективность кодификации норм, регулирующих и государственный, и частный сектор экспертизы, в рамках единого законодательного акта. Имплементация рассмотренных положительных практик в российское правовое поле позволила бы минимизировать экспертные ошибки и повысить уровень защиты прав и законных интересов участников судопроизводства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.Е. Муллахметова

Актуальность, теоретическая и практическая значимость рассматриваемой проблемы определяется, прежде всего, тем, что отсутствие правовой регламентации механизма использования нейросетей в уголовном судопроизводстве, гарантий конфиденциальности, единых стандартов, системы контроля качества в этой сфере, правил оценки доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта, является сдерживающим фактором для максимального использования его возможностей и снижения нагрузки на сотрудников судебной и правоохранительной системы.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что искусственный интеллект может выступать в качестве эффективного вспомогательного инструмента при планировании расследования в целом и конкретных следственных действий, определении предмета доказывания, составлении процессуальных документов, систематизации, обработке информации, выявлении логических ошибок, внутренних противоречий в материалах дела, обосновании решений, выполнении других повседневных рутинных задач. С учетом изложенного требуется разумный подход к внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в уголовное судопроизводство, обеспечивающий информационную безопасность, гарантии прав личности, законность, обоснованность и справедливость итоговых процессуальных решений.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, а также общенаучные и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Использование общенаучных методов познания (анализа, синтеза, метода прогнозирования)